

Литературный перевод как советский культурный институт

Елена Земскова, Елена Островская

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_119

Elena Zemskova, Elena Ostrovskaya
From the Compilers

Разговор о переводе имеет весьма почтенную историю в контексте отечественной филологии, однако в последнее время этот интерес заметно активизировался. Так, только минувший год, когда статьи, вошедшие в эту подборку, были уже написаны и ждали своего часа в редакционном портфеле, принес несколько весьма заметных публикаций, демонстрирующих не только своевременность высказываний о переводе, но и разнообразие подходов к нему. В 2021 году два историка литературы выпустили книги работ о переводе. Илья Виноцкий в книге «Переводные картинки: Литературный перевод как интерпретация и провокация» [Виноцкий 2022] — собрании изысканных вишенок преимущественно из XIX века — рассматривает перевод и родственные ему практики чтения и «выражения “своего” через “чужое”» как историко-литературные сюжеты. Книга Павла Нерлера «Путем потерь и компенсаций: этюды о переводчиках» [Нерлер 2020] представляет собой мозаику из заметок, статей и эссе, а также собственных переводов автора, посвященную жизни и творчеству переводчиков XX века от Манделъштама до Светланы Гайер. Большая часть книги посвящена практикам перевода с языков национальных советских республик, и прежде всего грузинского. Кроме того, перевод становится одним из ключевых элементов в реконцептуализации советского периода литературной биографии Осипа Манделъштама, выпущенной Глебом Моревым [Морев 2021]. Одним из ее магистральных сюжетов стала реинтерпретация известной истории скандала вокруг манделъштамовского перевода «Тили Уленшпигеля» и спровоцированной им статьи «Потоки халтуры».

Самый монументальный труд года, посвященный вопросам перевода, — это коллективная монография «Художественно-филологический перевод

1920—1930-х годов» [Баскина 2021]. Безусловную ценность представляет собой и сам разговор о явлении «филологического перевода» («по-новому точного, в своих основаниях филологического, метода перевода и редактирования» художественной литературы), и публикация важных документов эпохи, которая отличает это издание, и сочетание исторического подхода с переводоведческой проблематикой и теоретическим аппаратом. В этом смысле центральное, на наш взгляд, значение имеет программная вводная статья М. Баскиной (Маликовой) «Филологически точный перевод 1920—1930-х годов», язык описания которой соединяет привычный по преимуществу лингвистический подход отечественного переводоведения с теоретическим аппаратом западных *translation studies*, прежде всего Лоуренса Венутти.

Невозможно не заметить, что интересом к теме перевода объединены книги авторов с разными исследовательскими установками и бэкграундом. Их все объединяет то, что перевод становится ключом/призмой к прочтению литературы и более широкого круга явлений культуры. Мы бы даже рискнули предположить, что выход этих книг маркирует *translational turn* в терминах Бахман-Медик [Bachmann-Medick 2016]. В этом смысле представляется логичным обращение не только к переводу как литературной или окололитературной практике, но и к науке о переводе, *translation studies*, которая позволяет по-новому концептуализировать широкий круг явлений литературы и культуры.

Современные *translation studies* как дисциплина, изучающая происходящее на внутренних границах глобального мира, связаны с социологией и социальной антропологией, постколониальными и медиаисследованиями. Внимание к переводу так или иначе ставит под сомнение многие основания литературоведения и других дисциплин, строящихся вокруг «национальных» культур, и провоцирует на деконструкцию таких устоявшихся культурных конструкций, как «(моноязычный) текст», «национальная традиция» и «литературный канон». Именно поэтому довольно затруднительно переводить название этой дисциплины русским словом «переводоведение», отсылающим к советской узколингвистической традиции и прескриптивной теории, довольно замкнутой и непроницаемой для современного гуманитарного поля.

Приближение исследований по истории перевода в России к широкому контексту современных *translation studies* началось больше десяти лет назад. В 2012 году на конгрессе ASEES состоялся круглый стол на тему «Преодолевая границы между TS и славистикой», где Сусанна Витт (Университет Стокгольма) показала, что страны Восточной Европы и постсоветские государства оказываются белым пятном в географии ведущих журналов по *translation studies*, в целом глобально широкой. Усилия по стиранию этого белого пятна были предприняты многими коллегами-славистами из различных университетов. Укажем прежде всего на сборник под редакцией Леона Бернета и Эмили Лайго [Burnett, Lygo 2013] по материалам конференции в Университете Эксетера (2009) и сборник под редакцией Брайана Бера и Сусанны Витт [Baer, Witt 2018], собравший статьи участников конференции в Уппсале в 2014 году. Интерес к проблемам перевода подпитывается в последнее время и перспективой транснациональной истории, ставшей одной из важных тенденций изучения советского общества и культуры. Перевод становится видимым и значимым для исследователей, рассматривающих советскую культурную историю как часть глобальной, место притяжения, адаптации и распространения идей и культурных практик [Clark 2011; Djagalov 2020].

Предлагаемый вниманию читателей НЛО блок из пяти статей посвящен весьма разнородным кейсам и демонстрирует разнообразие методологических подходов. При этом их объединяет стремление описать роль литературного перевода в советской культурной системе, в которой он был не только литературной практикой, но также был идеологически, политически и бюрократически институционализирован. Возможно, именно эта институциональность отличает литературный перевод советского времени как от практики предыдущей и последующей эпохи в России, так и от синхронных практик в других странах, где можно скорее увидеть только тенденции к нормализации книгоиздательства. Советская переводная литература была предметом государственного заказа и контроля, а переводчики — участниками идеологического производства и советскими «работниками культуры». Перевод как институт обеспечивал две формы самопрезентации СССР посредством литературы. Во-первых, советская модель «мировой литературы» представляла его частью глобального мира, выбирая то, что необходимо советскому читателю, и одновременно транслируя принципы этого выбора во внешний мир. Во-вторых, «многонациональная советская литература» представляла СССР как культурно разнобразную и одновременно единую «империю наций» [Hirsch 2005].

Именно с функционированием перевода как института связано представление о «советской школе перевода», значимое даже для сегодняшних полемик о качестве переводных книг. Это понятие трактуют как в позитивном, так и в негативном ключе: считается, что в прошлом следили за качеством перевода и в целом работа выполнялась на высоком уровне, или, напротив, указывается на ограниченность переводческих стратегий, влияние цензуры и закрытости советского общества, не позволявшего переводчикам бывать за границей и представлять себе в реальности то, что описывалось в переводимых текстах. Генеалогия и история понятия «советской переводческой школы» пока еще подробно не изучена. Как показала Сусанна Витт, оно начинает активно использоваться в 1948—1953 годах, в период позднего сталинизма с его борьбой против «космополитизма» и сталинской концепции русского языка. Именно в это время Иван Кашкин провозглашает «реалистический метод» как основной для советской школы, противопоставляя его «формалистическому» буквализму (см.: [Витт 2017]).

Три статьи из предлагаемого блока посвящены советским переводческим практикам 1930-х годов и представляют, таким образом, период становления «советской переводческой школы» еще до того, как она получила окончательное идеологическое оформление в работах Кашкина в период позднего сталинизма. На протяжении 1930-х годов, когда политический и культурный контекст менялся исключительно быстро, пробовались различные модели функционирования переводной литературы внутри советской системы и предлагались различные «стандарты качества» и стратегии вписывания переводческих принципов в идеологические требования эпохи.

Статья **Марины Акимовой** «Б.И. Ярхо — критик переводов» описывает профессиональную филологическую переводческую стратегию и по подходу и методу отчетливо близка к монографии «Филологический перевод». Предмет исследования автора — разнообразная деятельность Б.И. Ярхо, нацеленная на нормализацию и, таким образом, институционализацию перевода в СССР: формирование критериев для оценки переводов в рамках конкурса, проводимого ГАХНом, рецензии на перевод для издательства «Academia», а также его

участие в дискуссии о переводе, инициированной Мандельштамом после скандала с «Уленшпигелем», и непосредственное участие в качестве эксперта в суде по делу о плагиате. Ярхо — яркий представитель «филологического» перевода, «схоластической шпетовщины» (цит. по: [Витт 2017: 45]), как ее впоследствии приговоздит Кашкин на следующем этапе институализации перевода, когда самого Ярхо уже не будет в живых. В конце 1920-х — начале 1930-х годов точность еще не апроприирована Кашкиным и его последователями и параллельно ведутся разные попытки нормализации.

Статья **Юлии Козицкой** рассматривает специфику переводных текстов на раннем этапе создания «многонациональной советской литературы». Автор последовательно сравнивает изданные в 1930—1950-х годах сборники песен казахских акынов, посвященные преобразованиям, связанным с приходом советской власти, и необходимые для ее идеологической поддержки. В центре внимания оказываются изменение форм и приемов, с помощью которых на русском языке представлены голоса народных певцов имперских окраин. Псевдофольклор сталинской эпохи имел признаки «переводного» и считался таковым, однако чаще всего публиковался только на русском языке, и факт существования какого-то «оригинала» не требовал лишних доказательств. Автор прослеживает, как литературные стилизации начала 1930-х годов довольно быстро сменились не менее фиктивными текстами, однако с большим количеством признаков «аутентичности», ставшими в итоге шаблонными для «восточной» сталинианы.

Статья **Елены Островской** исследует механизмы канонизации английской поэзии в советской культуре и посвящена «культовой книге» переводной поэзии, сыгравшей важную роль для поколения поэтов и читателей 1960—1970-х годов. Знаменитая «гутнеровская антология», составленная на деле Дмитрием Мирским, вышедшая в 1937 году, могла бы стать первой советской попыткой создания современного канона английской поэзии посредством переводов, однако новые антологии последовали только через несколько десятилетий. В статье подробно рассматривается три составляющих этой антологии, по отношению к которым были использованы разные стратегии перевода: классическая поэзия, поэзия модернизма и новая левая поэзия. Именно последнюю пытался сконструировать Мирский для «мировой литературы» с центром в Советском Союзе. Анализ антологий позволяет увидеть процесс рецепции «под микроскопом» и продемонстрировать, насколько итоговый текст перевода зависит от институциональных и личных обстоятельств. Именно это в итоге влияет на представление русских читателей о классике, которая, по остроумному замечанию Мориса Бланшо, существует только в переводе (см.: [Venuti 2008]).

Статья **Елены Земсковой** «“Как болит от вас голова”: поэтические переводы в биографии Арсения Тарковского» рассматривает перевод и советских переводчиков в историко-антропологическом ключе. Обращаясь к фигуре Арсения Тарковского, поэта и переводчика, чья поэтическая персона стала культовой фигурой для поколений читателей, автор исследует попытки авторефлексии поэта над своими переводами. Обращаясь к концептам «прозрачности» и «сопротивления», вводимым в знаковой книге «Невидимость переводчика» Лоуренса Венутти, статья демонстрирует, как функционирует перевод в рамках двойной личности переводчика и поэта. Переводчик пытается интериоризировать идеологические установки эпохи, оставляя за поэзией поле творческой свободы, существующей вне государства и вопреки ему.

В статье **Александры Борисенко** «Переосмысление переводческой нормы: постсоветская практика» «советская школа перевода» становится своеобразной точкой отсчета, задающей координаты для разговора о постсоветской переводческой практике. Распад советского института перевода выразился прежде всего в упразднении института редатуры, долгие годы приводившего к единому знаменателю разные переводческие практики. Изменения затронули и читательскую аудиторию: на смену читателю, не знающему ни языка, ни оригинала, пришли читатели, которые имеют возможность ознакомиться с оригиналом.

Библиография / References

- [Баскина 2021] — Художественно-филологический перевод 1920—1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина. СПб.: Нестор-История, 2021.
- (*Khudozhestvenno-filologicheskiy perevod 1920—1930-kh godov / Comp. by M. Je. Baskina. Saint Petersburg, 2021.*)
- [Виницкий 2022] — *Виницкий И.* Переводные картинки. Литературный перевод как интерпретация и провокация. М.: Рутения, 2022.
- (*Vinitzkiy I. Perevodnye kartinki. Literaturnyy perevod kak interpretatsiya i provokatsiya. Moscow, 2022.*)
- [Витт 2017] — *Bumm C.* «Советская школа перевода» — к проблеме истории концепта // *Acta Slavica Estonica IX. Труды по русской и славянской филологии X. Стратегии перевода и государственный контроль. Translation Strategies and State Control.* Тарту: University of Tartu Press, 2017. С. 36—51.
- (*Witt S. "Sovetskaya shkola perevoda" — k probleme istorii kontsepta // Acta Slavica Estonica IX. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii X. Strategii perevoda i gosudarstvennyy kontrol'. Translation Strategies and State Control. Tartu, 2017. P. 36—51.*)
- [Морев 2021] — *Морев Г.* Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920—1930-е годы). М.: Новое издательство, 2021.
- (*Morev G. Osip Mandel'shtam: Fragmenty literaturnoy biografii (1920—1930-e gody). Moscow, 2021.*)
- [Нерлер 2020] — *Нерлер П.М.* Путем потерь и компенсаций: этюды о переводах и переводчиках. М.: Рудомино, 2020.
- (*Nerler P.M. Putem poter' i kompensatsiy: etyudy o perevodakh i perevodchikakh. Moscow, 2020.*)
- [Bachmann-Medick 2016] — *Bachmann-Medick D.* Cultural Turns: New Orientations in The Study of Culture. Berlin: De Gruyter, 2016.
- [Baer, Witt 2018] — *Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity / Ed. by B.J. Baer, S. Witt. London; New York: Routledge, 2018.*
- [Burnett, Lygo 2013] — *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russian Culture / Ed. by L. Burnett, E. Lygo. Peter Lang, 2013.*
- [Clark 2011] — *Clark K.* Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931—1941. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2011.
- [Djagalov 2020] — *Djagalov R.* From Internationalism to Postcolonialism: Literature and Cinema between the Second and the Third Worlds. Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-Queen's University Press, 2020.
- [Hirsch 2005] — *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- [Venuti 2008] — *Venuti L.* Translation, Interpretation, Canon Formation // *Translation and the Classic: Identity as Change in the History of Culture / Ed. by A. Lianeri, V. Zajko. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 27—50.*